

Лукина Анастасия Владимировна

**Социокультурные технологии формирования
национальной идентичности
(историко – методологический аспект)**

Специальность 24.00.01

Теория и история культуры (культурология)

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии

Екатеринбург
2004

Работа выполнена на кафедре культурологии ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель: доктор философских наук,
доцент Кропотов С. Л.

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита состоится «__» _____ 2004 г. в часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.08 а соискание ученой степени доктора наук при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького», по адресу: 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан «_____» _____ 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования.

Развитие современной информационной экономики, выход ее за рамки традиционных национальных государств, формирование транснациональных компаний и корпораций, развитие современных средств коммуникации, процессы глобализации привели к новому всплеску межнациональных и межэтнических конфликтов. Современная постнациональная экономика стала вызовом для привычных моделей коллективной идентичности, в том числе и национальной. В век массовых миграций, процессов глобализации в которых ключевую роль играют средства массовой информации, телевидение, кинематограф и интернет само существование суверенитета национальных государств ставится под вопрос, а национальная идентичность проблематизируется. Россия, включенная сегодня во все мировые процессы не менее, а иногда и более остро испытывает все противоречия современного мирового развития. Наиболее актуальными проблемами, как во всем мире, так и в России являются сегодня проблемы национальные.

Переходный характер современного российского общества, после распада Советского союза, неудача экономических и политических реформ 90-х., не мог не вызвать к жизни очередную волну поисков национальной и этнической идентичности как «твердой почвы» в условиях нестабильной реальности. Причины обострения национальных и этнических конфликтов в современной России сегодня во многом являются следствием не только современных мировых процессов, но следствием предшествующих этапов развития. Они объясняются особенностями процессов формирования наций и политикой властей в области национального вопроса в до-советский и советский период. В связи с этим анализ формирования национальной идентичности и русского национализма царской и советской России, несомненно, обладает актуальностью для решения проблем стоящих сегодня перед Россией.

Множество вопросов связанных с межнациональными конфликтами и противоречиями, несмотря на обилие посвященных им публикаций, не получают сегодня должного осмысления в связи с тем что понятия нация, национализм, национальная идентичность сегодня политически ангажированы и постоянно используются в пропагандистских целях политическими элитами. В связи с этим необходимо, прежде всего, новое теоретическое осмысление таких понятий как нация, национализм, национальная идентичность, которые стали объектами спекуляций многочисленных политических идеологий. Таким образом, заявленная в диссертации теоретическая проблема имеет и прикладное значение: определение понятия «нации», выяснение содержания понятия «национализм» и классификация различных типов национализма, исследование механизмов формирования национальной идентичности помогают по-новому увидеть некоторые аспекты управления современным обществом.

Немаловажным проявлением актуальности заявленной в диссертации темы является культурологическое значение рассмотрения процесса формирования национальной идентичности с позиций сегодняшнего дня: изменение социокультурного контекста, появление новых методологических подходов в гуманитарных исследованиях (прежде всего, западных) требуют переосмысления традиционных эссенциалистских подходов к проблемам нации, национальной идентичности, представлениям о негативной роли национализма и др.

Состояние разработанности проблемы. Исследования проблемы национализма и национальной идентичности имеют свою историю. Научный дискурс, посвященный нации появляется практически одновременно с самим становлением современных наций, и берет свое начало в интеллектуальном движении Просвещения (в частности в трудах Руссо и

Гердера), философии романтизма, работах Фихте и Гегеля. Однако нация и национализм являлись периферийной областью гуманитарных исследований. Только после Второй Мировой войны, в период распада колониальных империй и становления на их месте новых национальных государств, проблема национализма и национальной идентичности начинают занимать одно из центральных мест в западной гуманитарной науке. В России изучение национализма и процессов формирования наций в Российской империи и СССР отнюдь не поощрялось. Все исследования проблем формирования национальной идентичности сводились к этнографическим описаниям культур народов населявших территорию СССР. Только в последние 10 лет в России начинают появляться публикации российских, так и зарубежных авторов, посвященные вопросам этничности, нации, национальной идентичности, национализму. Существует сайт, посвященный проблемам национальной идентичности и национализма – www.nationalism.org, созданный с целью формирования нового понимания национальной идентичности, снятия негативной оценки феномена национализма не только в массовом сознании, но и в среде интеллектуалов. На сайте Воронежского государственного университета запущен сетевой исследовательский проект по проблемам национальной идентичности в современном мире, включающий в себя публикации российских филологов и философов о национальной идентичности (М. Заковоротная, Кабанова И., Масляева О., Струкова Т., Попова М., Кашкин, В. Попова М. К.). В последние несколько лет появился широкий круг публикаций посвященных современным процессам глобализации и регионализации, анализу межнациональных и межэтнических конфликтов и противоречий, проблематизации феномена национального государства, территориальности как основы национальной идентичности (Д. Драгунский, А. Песков, А. Кустарев, Л. Смирнягин, А. Макарычев, И. Бусыгина, О. Малинова, В. Каганский, Б. Кагарлицкий, И. Гололобов и др.). При содействии «Института Открытое общество» в 2000 году создан международный научно – исследовательский интернет проект www.empires.ru, целью которого является сравнительно – исторический анализ процессов формирования наций в колониальном и постколониальном мире, и включает в себя публикации российских и зарубежных ученых посвященные специфике становления наций в Российской империи и Советском Союзе (А. Ремнев, А. Миллер, М. Долбилов, Д., Олейников, Д. Левин, О. Малинова, А. Ренер и др.). В последние пять лет, появились публикации российских гуманитариев посвященных анализу и классификации российских и западных исследований о нации и национализме (В. Тишков, А. Миллер, В. Коротеева, О. Малинова, Н. Кокшаров, М. Попова, В. Струве, И. Кабанова, И. Тарасенко В. Хотинец, Ю. Ершов и др.)

Российскую и западную литературу, посвященную нации, национализму и национальной идентичности можно разделить на три группы с точки зрения методологически подходов к исследуемым феноменам: примордиальный (от англ. Primordial - изначальный), модернистский (инструментальный) и постнеклассический, или как его называют в российской литературе, конструктивистский.

Представителями примордиалистского подхода (К. Гирц, Э. Смит, Ю. Бромлей, основная масса современных российских гуманитариев: Росенко, М. Н. Руткевич, А.Н. Малинкин, Н. Н. Моисеев, В. И. Козлов, Баронин А.С., Бабаков В.Г., Семенов В.М., Гулыга, А.В. Махнач В.А., Поздняков Э.А., Кравченко С. А. И др.) нация трактуется в качестве расширенной родственной группы, высшей формы этнической общности людей, возникшей в эпоху формирования буржуазных отношений и ликвидации на этой основе феодальной раздробленности этнической территории и объединения людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание. Национальная идентичность, хотя данный термин не употребляется сторонниками примордиального подхода, заменяясь понятиями «национального духа», «национального характера», «гения нации», или национального самосознания и национальной психологии, рассматривается как «коллективное чувство лояльности», «привязанности проистекающей из чувст-

ва естественной духовной близости» (К. Гирц). Понятия национального характера, национальной души, национального самосознания как основной дефиниции нации берут свое начало в трудах немецких романтиков, и получают широкое распространение в трудах русских славянофилов (К. Аксаков, И. Аксаков, И. Киреевский, А. Хомяков), в концепциях культурно – исторических типов Шпенглера и Данилевского, в трудах философов русской эмиграции Н. Бердяева, П. Струве, русских религиозных философов С. Трубецкого и др.

Представление о том, что нация обладает объективными характеристиками такими как территория, язык, общность хозяйства, психологический склад или национальный характер, достаточно спорно в связи с тем, что ни одна из дефиниций не работает по причине многочисленных исключений из правила. Подобные представления о нации характеризуют и многочисленные радикальные националистические течения. Примордиальный подход к нации распространенный, например, в советской этнографии, сам являлся инструментом советской политики в национальном вопросе и средством национальной инженерии.

Модернистский и постмодернистский (постнеклассический) подходы к нации представлены в основном именами западных интеллектуалов, большинство современных российских исследователей либо остаются на позициях примордиального подхода (большинство), либо пытаются адаптировать западную методологию к анализу российского материала (д.и.н. Миллер А.И., преподаватель Центрального Европейского Университета в Будапеште, Директор института этнографии РАН В. Тишков).

Модернистские теории нации сформировались во многом под влиянием классического марксизма, М. Вебера, Г. Зиммеля, психоанализа Фрейда, философии франкфуртской школы (Т. Адорно, В. Беньямин, Х. Маркузе, Ю. Хабермас). Общую позицию сторонников модернистского подхода можно сформулировать следующим образом: нация не является древней или извечной природной данностью, а представляет собой продукт экономических изменений, индустриальной революции, образования современных бюрократических государств, становления системы общего стандартизированного образования (О. Бауэр, М. Хрох, Э. Геллнер, Д. Бройи, Э. Хобсбаум, А. Коэн, Г. Дилигенский, В. Дойч и др.). Вольфганг Дойч подчеркивает роль развития современных форм коммуникации, железных дорог, средств массовой информации в процессе формирования нации. Геллнер подчеркивает роль стандартизированного образования в процессе становления гомогенного общества, которое Геллнер называет нацией. Фигуры В. Дойча и Геллнера знаменуют собой переход к новой постнеклассической парадигме. Линия размежевания между подходами связана с вопросом о реальности и объективности нации, ее субстанциональном наличии.

Сторонники постнеклассического подхода вслед за Бенедиктом Андерсеном трактуют нации как «воображаемые сообщества». Воображаемыми большие сообщества являются вследствие того, что члены даже самой маленькой нации не могут знать друг друга в лицо или даже слышать друг о друге, но у каждого в воображении существует образ их общности. Собственно, все крупные сообщества людей являются воображаемыми, все дело заключается в способе воображения. Нация в концепции Андерсена является продуктом националистического способа воображения, распространенного с помощью «печатного капитализма», (аудио - визуального капитализма сегодня). Представители постнеклассического подхода (Б. Андерсен, К. Вердери, среди современных российских гуманитариев В. Тишков, А. Миллер) рассматривают нацию как продукт воображения, как идею или проект формирующийся при помощи дискурсивных практик: научных, художественных, политических. Подчеркнем, что «воображаемая природа» национальных сообществ вовсе не говорит о ложности или нереальности этих сообществ.

Главный акцент в рамках постнеклассического подхода ставиться на понятие идентичности, в том числе и национальной. И здесь проходит еще одна линия размежевания с примордиальным и модернистскими подходами к проблеме нации. В исследовании проблем национальной идентичности и формирования наций большой вклад внесли постколониальные исследования, одна и наиболее популярных областей западной гуманитарной науки. Постколониальные исследования сосредоточены в основном на проблеме формирования идентичности колониального субъекта, как колонизированного, так и колонизирующего посредством «дискурса колониализма» (в фукольдианском понимании этого термина) (Ф. Фанон, Э. Саид, Х. Баба, Т. Бренан, П. Чаттерджи, А. Аппадураи, Г. Спивак). Постколониальные исследования, Х. Баба, прежде всего, подчеркивают перформативную природу национальной идентичности, которая строиться через различные формы нарративов о нации. При этом национальная идентичность в концепции Хоми Бабы является гибридной, фрагментированной, разорванной особенно в условиях постколониального мира. Постколониальные исследования направлены на исследование работы различных практик колониального дискурса в выстраивание идентичности колониального субъекта. (Т. Смит, Т. Митчелл, А. МакКлиннток, М. Аллоула А. Лоусон, К. Сангари и др.) Э. Саид исследует европейскую литературу 18-19 века и ее роль в формирование Востока, У. Митчелл – исследует английский пейзаж как средство формирования национальной идентичности, как населения метрополии, так и населения колоний, Б. Андерсен пишет о таких дискурсивных практиках колониального режима, как картографирование колониальных территорий и музеефикация артефактов культур покоренных народов. Роли различных форм медиа в формирование национальной идентичности в информационном обществе посвящены работы А. Аппадураи, Н. Мирзоеффа, А. Фридберга, Л. Картрайта и др. Среди российских исследователей, попытку адаптации методологии постколониальных исследования предпринял только А. Эткинд в серии недавно опубликованных в НЛЮ статей.

На наш взгляд постнеклассический подход к проблеме нации и методология постколониальных исследований механизмов построения национальной идентичности является наиболее продуктивными и новыми для российской гуманитарной науки.

Ни среди западных, ни среди российских гуманитариев нет единого понимания ни феномена нации, ни национализма. Последний понимается как политическая доктрина, идеология, чувства, инструмент модернизации и консолидации общества, либо наоборот как средство сопротивления модернизации и глобализации. Прежде всего, существует разные употребления данного термина в российской и западной науке. В западной науке - термин национализм употребляется оценочно нейтрально, в российской термин национализм чаще всего употребляется с негативной оценкой в качестве синонима экстремизма и шовинизма. Правда, часть российских исследователей в теоретических и практических целях начинают употреблять термин национализм оценочно нейтрально (В. Тишков, А. Миллер, В. Коротева, О. Малинина, Н. Кокшаров, В. Малахов, С. Лурье и др.). Многогранность явления затрудняет, как попытки дать общепринятое определение национализма, так и исчерпывающую классификацию типов национализма. Выделяют восточный и западный (Х. Кон) этнический и гражданский (Л. Гринфельд) официальный и общественный (Андерсен), либеральный и радикальный (экстремистский) типы национализма. Описанию концепций и классификаций типов национализма посвящено ряд статей российских исследователей (В. Коротева, А. Миллер, В. Тишков, Н. Кокшаров, И. Тарасенко и др.). Наиболее перспективным, нам кажется интерпретация национализма К. Вердери и А. Миллера. Национализм в концепциях Вердери и Милера рассматривается в качестве дискурса (в фукольдианском понимании термина дискурс). Националистический дискурс, как порядок структурирующий этнические и национальные общности реализуется через совокупность образовательных, экспозиционных, перформативных и др. практик формирования национальной идентичности. Как и любой дискурс, националистический дискурс

не является однородным, в нем постоянно противоборствуют различные по степени радикальности концепции нации.

Последний круг источников, на которые опирается данная работа – круг исследований посвященных конкретным дискурсивным практикам формирования русской национальной идентичности во второй половине 19 века: художественной литературе (А. Эткинд, А. Генис, П. Вайль), архитектуре и массовым торжествам второй половине 19 века (Кириченко И, Р. Уортман, О. Майорова, Н. Найт), философия славянофилов (А. Хомяков, И. Киреевский, бр. Аксаковы). Для анализа процессов формирования национальной идентичности в советский период мы опираемся как на первоисточники (манифесты и постановления партии по национальному вопросу), советский кинематограф так и на исследования посвященные советской литературе и культуре (А. Генис, Щеглова Е. Е. Огнев, Новиков В., В. Паперный, Б. Гройс, М. Рыклин, И. Голомшток, Е. Деготь и др.).

На сегодняшний день в российской науке нет комплексных исследований, посвященных специфике формирования русской национальной идентичности в имперский и советский период российской истории с помощью медийных средств (в том числе художественных языков) культуры, производящих «воображаемые сообщества». Наша работа – попытка восполнить образовавшийся вакуум.

Предмет исследования. Предметом исследования является социокультурный процесс формирования русской национальной идентичности в имперский (вторая пол. 19-го века) и советский периоды российской истории (первая пол. 20-го века).

Цели и задачи исследования. Основная цель диссертационной работы – культурологический анализ процесса конструирования русской национальной идентичности в дискурсивных практиках. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач.

- Уточнение и историзация определений понятий «нация», «национализм», «национальная идентичность», артикуляция методологических принципов диссертационной работы;
- Исследование противоречивого характера взаимодействия конкурирующих («официального (имперского), панславистского», славянофильского и др.) проектов «единой общерусской нации», анализ отечественной специфики дискурсивных практик формирования национальной идентичности во второй половине 19 века в контексте общеевропейских тенденций.
- Изучение парадоксального характера процесса строительства наций в послереволюционный период и анализ конструирования русской национальной идентичности в «медиапроекте» советской власти.

Теоретико –методологические принципы исследования. Разночтения среди историков, социологов, философов и культурологов по большинству методологических вопросов изучения национальной идентичности и национализма свидетельствуют как о сложности самого феномена, так и невозможности единственной всеобъемлющей методологии. Мы соединяем принципы историко-материалистического подхода к феномену нации, с обращением к экономическому фактору в ее формировании, вниманием к социокультурным и политическим условиям возникновения национального самосознания (общности); неклассического психоанализа современной субъективности с исследованием множественной идентичности субъекта, рефлексией радикализации желания как конструктивного фактора; методологию постколониальных исследований национальной идентичности в условиях ее внутренней противоречивости (расколотости), скрытой (превращенной) зависимости от имперской культурной парадигмы, «гибридности». В конечном итоге это означает, что колониализм осуществляется прежде в языковых (дискурсивных) формах, ко-

гда само высказывание протестной идеологии для поработанных народов оказывается возможным лишь на условиях и по правилам языка Метрополии.

Научная новизна исследования обусловлена самой постановкой проблемы – рассмотрением процесса исторического формирования русской национальной идентичности посредством широкого спектра (художественных, научных, идеологических и др.) социокультурных практик.

- В результате анализа существующих в гуманитарной науке точек зрения, определений, уточнено операциональное значение понятий «нация», «национализм», «национальная идентичность», предложено свое понимание этих категорий, базирующееся на интеллектуальных технологиях, методах и подходах постструктурализма.
- Национальная идентичность рассматривается нами как радикально изменчивая, противоречивая, фрагментированная, гибридная, искусственная конструкция.
- Процессы формирования русской национальной идентичности рассмотрены в широком историческом контексте. Установлено что социокультурные практики конструирования национальной идентичности в России имеют ряд общих черт с дискурсивными практиками формирования национальной идентичности не только в Европе, но и в бывших европейских колониях
- В работе применена новая для российской гуманитарной науки методология постколониальных исследований к анализу процессов формирования русской национальной идентичности;
- В анализе нации как «воображаемого сообщества» доказана необходимость смещения акцента исследований с объективных социальных, экономических, этнических, лингвистических и т.п. измерений бытования нации на трактовку феномена как субъективного опыта переживаемой общности, множественной субъективной проекции индивидуального или коллективного бессознательного. Уделено особое внимание вектору желания, или ответу на вопрос «чего же хочет субъект».
- Различные морфологические феномены русской и советской культуры (изобразительное искусство, в т. ч. пейзаж, архитектура, кинематограф, литература и научные дискурсы) проанализированы не столько как формы рефлексии объективной реальности (нации), а как формы нарратизации, перформанса опыта коллективного субъекта, посредством которого строиться национальная идентичность.

Положения, выносимые на защиту.

1. Национальная идентичность, не является объективным, естественной, генетически наследуемой субстанцией. Национальная идентичность не существует вне и до дискурса. Таким образом, она не представляет собой додискурсивное тождество, но есть саморефлексивная интерпретация сообщества «нации», выражающаяся в разнообразных элитарных и массовых текстах. В силу этого, национальная идентичность не является величиной «постоянной», она исторически изменчива, т.е. представляет собой бесконечно длящийся проект, осуществляемый при помощи различных форма медиа, светских институтов и ритуалов, которые оказываются «средствами формирования национальной идентичности в качестве ежедневного социального проекта». Национальная идентичность рассмотрена нами как форма нарратива или перформанса, создаваемого нацией, как коллективом людей для представления и повествования о самих себе.
2. Процессы формирования национальной идентичности в России определяются конкурирующими и взаимовлияющими дискурсами колониализма и национализма как в имперский, так и в советский период российской истории и имеют ряд общих черт с про-

цессами конструирования идентичности в крупнейших европейских колониальных державах и постколониальных странах. Дискурсы национализма и колониализма представляют собой взаимозависимую пару «перевертыш», такую инверсию при которой происходит одновременное отрицание и утверждение друг друга. В связи с этим можно говорить о гибридности идентичности коллективного (национального) субъекта, формируемой в пространстве «промежутка», «in between», или противоречивом, амбивалентном пространстве определения (формулирования, изложения). Таким образом, анти-колониальная, протестная идентичность оказывается построенной по правилам Метрополии (колониального дискурса) и оказывается одновременно его продолжением.

3. Процесс формирования национальной идентичности в России во второй половине 19 века включает в себя развитие нескольких конкурирующих проектов «идеальной» нации (панславистский, славянофильский, династический, малых национализмов (украинский, польский, и др.). И панславистский, и династический, и славянофильский проекты предполагали создание общерусской нации, где ведущая роль отводилась русскому народу, русскому языку, православию. Но в отличие от парада малых национализмов народов населяющих империю нач. XX в, проект общерусской нации, не увенчался успехом в силу ряда причин:
 - экономической отсталости России;
 - неразвитой системы коммуникаций, затруднявших циркуляцию людей и символов;
 - слабо развитого рынка прессы;
 - неэффективности и непоследовательности ассимиляционной политики властей в области образования, незавершенности создания системы общего обязательного стандартизированного образования (массовая неграмотность в России не была ликвидирована вплоть до культурной революции 20-х) как механизма распространения идеи нации и средства формирования национальной идентичности по французскому, немецкому или британскому образцам.
4. В советский период процесс формирования национальной идентичности происходит по логике парадокса – «утверждается то, что отрицается» (Деррида). В советском колониальном дискурсе идет процесс формирования новой интернациональной формации – «советского народа» как супернации, по мере ожидаемого стирания этнических, национальных различий. В тоже время, сам советский колониальный дискурс выстраивает национальные различия, т. е. производит национальную идентичность, как русских, так и других народов посредством калькуляции и классификации населения СССР (т.е. по сути, производит капитализацию этнических сообществ, согласно М.Веберу и Б.Андерсену).

Научно - практическая значимость и апробация работы.

Теоретическое значение работы определяется тем, что она содержит новую для российской гуманитарной науки методологию анализа процессов формирования национальной идентичности, которая может быть использована для исследований различных межнациональных конфликтов происходящих сегодня во всем мире.

Практическое значение работы определяется тем, что основные выводы и положения могут быть использованы в создании и преподавании различных курсов в области гуманитарных наук.

Основные положения и выводы диссертации излагались автором в выступлениях на научно – практических конференциях:

Первом Международном конгрессе «Толерантность и ненасилие в современной цивилизации». (Екатеринбург, 2002);

Всероссийской конференции «Культура. Власть. Общество: пути интеграции». (Екатеринбург, 2002);

Всероссийской конференции «Феномен локальной культуры». (Москва, 2003)
 Всероссийской конференции «Толерантность в условиях цивилизации «локальных войн» (Екатеринбург, 2004);

Ежегодных культурологических чтениях, памяти В. И. Колосницына (Екатеринбург, 2004);

Международной научно – практической конференции «Информационная эпоха: Мир – Россия – Урал. (Екатеринбург, 2004)

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения, списка литературы. Содержание работы изложено на 156 страницах, библиография включает 250 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, показана степень ее научной разработанности, сформулированы цели и задачи исследования, изложены теоретико - методологические основания диссертации, раскрыта ее научная новизна, научная и практическая значимость.

В первой главе **«Рождение национализма в процессе индустриальной модернизации»** автором рассматриваются различные практики построения национальной идентичности в условиях развития капиталистической экономики в России 19 века, предлагается методика анализа феномена национальной идентичности.

В первом параграфе **«Методологические принципы и понятийный аппарат построения нации»** - анализируются содержащиеся в исследовательской литературе определения понятий нация, национальная идентичность, национализм, классифицируются основные подходы к данным феноменам и предлагаются методологические основания исследования национальной идентичности.

Одним из ключевых направлений гуманитарной науки, как западной, так и российской являются исследования широкого круга вопросов связанного с национализмом, нацией, ее самобытностью, культурой, национальным характером, национальной идентичностью. Несмотря на широкое употребление данных понятий, как в научной, так и в публицистической литературе, не существует четких и общепринятых дефиниций таких понятий как нация, национализм, национальная идентичность.

В своем исследовании мы опираемся на общепринятую в западной и российской науке (В. Тишков, А. Миллер, В. Коротева, О. Малинова, Н. Кокшаров, М. Попова, В. Струве, И. Кабанова, И. Тарасенко В. Хотинец и др.) классификацию основных методологических подходов к определению понятий нация, национализм, национальная идентичность. Принято выделять три основных подхода: примордиальный, модернистский (инструменталистский) и постмодернистский (конструктивистский). Оставив трех частную классификацию мы в качестве единого основания классификации методологических подходов берем модель смены парадигм мышления в вопросе о человеческой субъективности (коллективной и индивидуальной) (М. Фуко, Н. Автономова, С. Кропотков). В связи с этим наша классификация основных подходов к исследованию национальной идентичности выглядит следующим образом: классический (соответствующий, примордиальному подходу в выше приведенной классификации), неклассический (модернистский), постнеклассический (постмодернистский или постструктуралистский).

Классический подход берет свое начало в интеллектуальном движении Просвещения (в частности в трудах Гердера и Руссо), философии романтизма, работах Фихте и Гегеля. Представители классического – примордиального подхода (от англ. Primordial - изначальный) трактуют нацию как органическое, естественное образование, закономерный продукт эволюции этноса, универсальный атрибут человечества. Нация, например, в трудах немецких романтиков, рассматривается наподобие рода, происходящего от общих

предков и обладающих некоторым типом «кровного сознания» или национального характера, национального духа. Концепция национального характера или духа как основы национальной общности характерно и для последователей немецкого романтизма – славянофилов (бр. Аксаковы, И. Киреевский, А. Хомяков). В концепциях культурно – исторических типов Данилевского и Шпенглера сохраняется акцент на основополагающей роли национального характера или национальной черты в становлении и функционировании того или иного культурно - исторического типа. Данную точку зрения разделяли многие ученые и политики 19 – 20 века как европейские, так и российские (Э. Смит, К. Гирц, Дж. Мадзини, Т. Масарик, В. Вильсон, В. Соловьев, Н. Бердяев, П. Струве, С. Трубецкой, Н. Гумилев и др.).

Определение нации принятое в советской этнографии (И. Сталин, Ю. Бромлей) так же вписывается в рамки классического примордиального подхода, и включает в себя такие элементы измерения нации как общность территории, языка, экономической жизни, психологического склада / национального характера и самосознания. Большинство современных российских авторов (М. Росенко, М. Руткевич, А. Малинкин, Н. Моисеев, В. Козлов, В. Семенов, А. Гулыга, В. Махнач, Э. Поздняков, С. Кравченко и др.) придерживаются примордиального подхода, отмечая, правда, в отличие от мыслителей 19 века, что нации возникают в период развития буржуазных отношений и индустриальных революций. Таким образом, представители классического подхода признают влияние экономических факторов на становление нации, трактуемой как этап эволюции, трансформации этноса.

Классический подход выделяет ряд, казалось бы, объективных базовых элементов нации: общность происхождения, территория, язык, самосознание, психологический склад. Но являются ли эти элементы действительно объективными и обязательными для определения человеческой общности как нации. Общность происхождения, зафиксированная в мифах, историях, легендах, традициях народа часто является продуктом сознательных манипуляций, сколько раз в тех или иных политических, идеологических целях переписывалась российская история. В 19 веке, например, идет постоянный процесс актуализации различных мифов (варяжская легенда, миф об изначальном общеславянском единстве и пр.) начала русского народа, русской государственности. В данном случае тезис об общности происхождения как объективной и универсальной категории национального сообщества не работает. Если объективным признаком нации с точки зрения классического подхода является общая территория, то, как быть с сообществами называющими себя нациями, но этой территорией не обладающими. Является ли действительно – общность языка, территории, национальной психологии естественными природными элементами каждой нации, генетически транслируемыми от поколения к поколению?

Национальная идентичность или коллективное Я, для представителей классического подхода выступает как нечто естественное, автономное и стабильное, существующее независимо от внешних влияний и исторического контекста. Но идентифицировали ли себя многочисленные этнические общности, говорящие на различных языках и проживавшие на территории современной Франции, Германии, Малайзии, Турции, в 19 веке с французской, турецкой, немецкой малазийской нацией? Не является ли идентичность коллективного субъекта продуктом длительно процесса трансформаций под влиянием внешних факторов?

Эпоха модернизма предлагает новый взгляд на феномен идентичности коллективного / индивидуального субъекта и понятие нации. Представители неклассического подхода рассматривают нацию как одновременно естественную и искусственную (в смысле - конструируемую) общность (М. Хрох, О. Бауэр). С одной стороны сообщество нации определяется наличием общей памяти о прошлом или «судьбе» народа и национальным характером передаваемым по наследству (Хрох, Бауэр). С другой стороны нация формируется в процессе развития капиталистической экономики, урбанизации и индустриализации, разрушения традиционных связей с землей и тесным миром крестьянской общины, увеличения средств и изменения моделей коммуникации (железные дороги, рынок печат-

ти). Стандартизированная система обязательного образования, унификация языка, школа, армия, гражданские институты – основные элементы индустриального общества, - являются механизмами гомогенизации общества, которым, по мнению представителей неклассического подхода, и является нация. Основная роль в становлении нации как гомогенного общества, по мнению самого цитируемого ныне в российской науке немецкого исследователя Э. Геллнера, принадлежит государству, как централизованной политической, экономической и образовательной системе. Именно через дорогостоящую государственную систему образования в обществе насаждается «высокая культура» и единая коллективная (национальная) идентичность, функции которой гомогенизовать общества вокруг идеи нации. Нация в концепции Геллнера возникает как особая форма соединения государства и «высокой» культуры, возможная лишь при определенных экономических условиях. Таким образом, уже в концепции Геллнера нация трактуется как идея, или проект способствующий мобилизации общества в целях индустриальной модернизации, а национальная идентичность перестает быть автономной сферой коллективного субъекта, а представляет собой искусственную конструкцию внедряемую в сознание субъекта при помощи системы стандартизированного образования и социальных институтов.

При всех достоинствах теории Геллнера, возникает главный вопрос, а возможно ли возникновение нации без государства? И являются ли нации, не обладающие собственным государством нациями? Как формируется национальная идентичность, при помощи каких механизмов в системе образования и культуры? Чем объяснить активизацию национализма в современном, постиндустриальном мире? В прогнозах Геллнера в постиндустриальном мире с его стандартизированной культурой, развитыми средствами коммуникации вопрос о национализме должен был быть снят.

Развитие гуманитарной науки во второй половине 20- века, в частности, неклассического психоанализа, постструктурализма и особенно философия М. Фуко повлияли на пересмотр классических и неклассических теорий идентичности и концепций нации. Нация в трудах представителей постне-классического подхода (Б. Андерсен, Валлерстайн, К. Вердери, В. Тишков, А. Миллер и др.) трактуется вслед за Б. Андерсеном как «воображаемое сообщество». Т.е в отличие от классического определения нации как материально – духовного естественного образования, постнеклассический подход рассматривает нацию как проект или образ, формируемый в массовом сознании при помощи различных аудиовизуальных практик. По мнению Андерсена, национальная общность заменила собой предшествующие культурные системы религиозного сообщества и династического царства. В условиях развития капиталистической экономики, европейской науки Нового времени, географических открытий старые идентификации с религиозной общиной или династией оказались разрушенными. Идея нации стала новым способом мобилизации, гармонизации и стабилизации общества. Образ нации «придавал определенный смысл повседневным фатальностям, соединяя воедино братство, власть и время» (Б. Андерсен), способствуя объединению общества в целях модернизации. Главным механизмом производства и тиражирования образа нации становится «печатный» капитализм, с помощью которого происходит процесс унификации многочисленных разговорных наречий в единый литературный язык и создание широких читательских публик.

Большой вклад в осмысление процессов строительства наций в колониальном и постколониальном мире внесли постколониальные исследования -динамично развивающаяся область западной культурологии. На наш взгляд, постколониальные исследования дают широкие возможности для анализа российской культуры двух последних столетий. И Российская империя и Советский Союз обладали достаточными имперскими чертами для того, что бы провести сравнения между ними и другими империями, и в этом методология постколониальных исследований оказывается наиболее эффективной. Как и классические европейские империи, Россия в 19 – 20 веке решает вопрос модернизации и построения национального сообщества, т.е. превращение империи в национальное государство. Одно из главных отличий Российской империи от классических европейских коло-

ниальных держав, состоит в том, что Англия, Франция, Испания осваивают свои заморские владения, Россия - прилежащие к ней территории. Но если взглянуть на Европу 18 – 19 века – то континентальная Франция, Испания – будут представлять собой империи, решающие вопрос трансформации имперского государства в национальное, т.е. по сути, идет процесс внутренней колонизации, освоение собственных территорий, гомогенизация общества, унификация языка, насаждение единой национальной идентичности различными по степени радикальности методами: от частичного разрешения преподавания в начальных школах на местных наречиях до полного запрета их использования. Таким образом, колониализм продуцирует нацию не только в заморских колониальных владениях, путем калькуляции, классификации населения, музеефикации артефактов культуры, картографирования территорий, но и формирует воображаемое сообщество нации в пределах Метрополии. В случае с Российской империей, вследствие размытости границ метрополии и колонии практики дисциплины и контроля применяемые по краям империи постоянно переносятся имперским центром на управление внутренних губерний - ядра империи.

Представители постколониальных исследований (Э. Саид, Х. Баба, П. Чаттерджи, Т. Бренан, А. Аппадурай, Т. Митчелл и др.) рассматривают колониализм в качестве дискурса в фукольдианском понимании этого термина «как совокупности практик, которые систематически образуют те объекты, о которых они говорят». Таким образом, идентичность колониального субъекта как колонизирующего, так и колонизируемого представляет собой «дискурсивную формацию» (М. Фуко).

Представители постнеклассического подхода переносят акцент с изучения объективных сторон процесса строительства нации, как в Метрополии, так и в колониях – изменение экономического и политического уклада, унификация языка, стандартизация образования и культуры, на исследование субъективных внутренних сторон нации, т.е. «путей на которых нация становится действительной для ее представителей», по сути, на способах конструирования коллективного национального субъекта. Национальная идентичность субъекта, с точки зрения постнеклассического подхода, является нарративом, или перформансом (Х. Баба) разыгрываемым коллективным субъектом о себе и своем Другом, следовательно, важную роль в конструировании этого нарратива играют различные медийные формы. Национальная идентичность или утверждение того «Кем мы являемся», «Чего мы хотим» выражается аллегорически, символически и метафорически. Следовательно, для исследователя национальной идентичности основную ценность представляют тесты культуры (искусство, литература, архитектура, масс – медиа и пр.). Идентичность коллективного субъекта как форма нарратива представляет собой исторически изменчивый феномен, постоянно трансформирующийся под влиянием дестабилизирующей внешней реальности. Т. е. ответ на вопрос «Кто мы? Чего мы хотим», переформулируется в зависимости от внешних вызовов. В связи с этим, национальный нарратив даже в себе самом оказывается фрагментированным, разорванным, включающим в себя нечто бессознательное, вытесненное, скрытое. Следовательно, понимание национальной идентичности невозможно без понимания того, что было вытеснено из национального нарратива, что скрыто, бессознательно спрятано под маской. А скрытым чаще всего в колониальном контексте оказывается желание занять место власти метрополии, или Другого, в роли исторически в российском контексте выступает Запад.

Опираясь на определение национальной идентичности как «дискурсивной формации» или формы нарратива, мы считаем вполне правомерным, вслед за К. Вердери, Б. Андерсеном и А. Миллером, рассматривать национализм в качестве дискурса. Такая трактовка термина национализм на наш взгляд включает в себя многочисленные дефиниции этого понятия, предложенные западными и российскими авторами (политический принцип (Геллнер), идеология (Э. Хобсбаум), психология (К. Гирц). Во – первых, термин дискурс предполагает оценочно нейтральное употребление понятия национализм, а во - вторых включает в себя широкий круг практик политических, художественных, идеологиче-

ских, научных различающихся по вопросу о сущности нации и национальных интересах. Соответственно националистический дискурс, как и любой дискурс не представляет собой однородного целого, в нем постоянно будут противоборствовать различные концепции нации. Националистический дискурс, включает в себя ряд обязательных элементов: представление о нации как автономном сообществе, обладающим собственными границами, государством, легитимностью, которая доказывается древней этнической историей, единым языком, а так же общей идентичностью всех членов нации, которая определяется в соответствии с политическими и/или культурными (этническими, лингвистическими) критериями.

Типологическое разнообразие национализмов обусловлено, на наш взгляд, методами формирования нации и интерпретацией ее сущности. Так Л. Гринфельд выделяет два типа национализма: гражданский и этнический, в соответствии с тем как определяется нация как составная общность, образованная входящими в него индивидами, или как унитарная общность, своего рода коллективный индивид. Х. Кон так же выделяет два типа национализма: западный (развитых стран) и восточный («развивающихся регионов»), характеристики которых совпадают с определениями гражданского и этнического национализма Л. Гринфельд. Б. Андерсен выделяет национализм «господствующих» классов, или национализм общественный и «официальный» т.е. национализм правящих династий. На наш взгляд, двух частная классификация национализмов не отражает реальное многообразие этого явления. И в рамках гражданского и в рамках этнического национализма можно найти различные по степени радикальности тенденции.

Не смотря на то что, универсальная классификация типов национализмов до сих пор не существует ни в российской, ни в западной науки, в целях нашего исследования необходимо выделить несколько типов национализмов или тенденций в рамках русского националистического дискурса. Автором выделяются следующие типы русского национализма:

- национализм «официальный» - или национализм правящей династии (правящей партии в СССР) – способ легитимации, натурализации имперской власти;
- Национализм общественный (образованной, интеллектуальной, читающей элиты, в среде которой формулируются, обсуждаются концепции нации и национальной идентичности. Но общественный национализм так же не представляет собой единого, однородного целого. В нем будут противоборствовать различные проекты нации: западнический и славянофильский, панславистский. Кроме того, в рамках националистического дискурса можно выделить большую группу малых национализмов народов населяющих российскую империю (украинский, белорусский, чеченский, и пр.).
- Еще один тип национализма – национализм радикальный – ксенофобный или шовинистический.

Сложность составления любых типологий заключается, прежде всего, в том, что различные типы национализма в рамках дискурса находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, часто заимствуя друг у друга концепции нации, национальных интересов, методы борьбы. Так официальный национализм находится в постоянном диалоге с национализмом общественный. Либеральные теории славянофилов или неославянофилов питают движения шовинистов.

Во втором параграфе – «Технологии производства национальной идентичности» анализируются различные способы конструирования национальной идентичности (литература и публицистика, архитектура, изобразительное искусство, экспозиционные практики). Исследуются конкурирующие между собой проекты нации или «идеального отчества» в рамках русского националистического дискурса 19 века.

В 19 веке в Российской империи, так же как и ранее в Европе происходит переход от аграрного общества к индустриальному, правда, процесс этот затянулся до середины следующего столетия. В течении достаточно длительного времени, включая и весь 19 век

Франция, Испания, Германия, Великобритания, Италия и другие европейские государства, в том числе и Россия разными средствами решали задачу индустриальной модернизации, политической консолидации и культурной гомогенизации общества. И главную роль в этом процессе играет идея нации и формирование соответствующей национальной идентичности.

Опираясь на теорию Б. Андерсена, мы считаем основным средством производства национальной идентичности «печатный» капитализм. Технология печати создает возможность бесконечного репродуцирования знаков и текстов, а капитализм их распространения вширь. Таким образом, развитие печатного капитализма – создает новую систему коммуникации через печатное слово, и, следовательно, требует унификации языка, т.е. единой системы обмена и коммуникации. Через ежедневные практики чтения газет, книг и журналов на едином, литературном языке создается эффект некой общности читательского круга, что и является зародышем воображаемого сообщества нации. Кроме того, «печатный капитализм» придает языку устойчивость, что в долгосрочной перспективе позволяет выстроить образ древности, т.е. укоренить нацию в истории.

Уже с конца 18 века в Российской империи развивается издательское дело, т.е. «печатный капитализм» - производство книг, газет, журналов, которые становятся первыми продуктами массового потребления. В пореформенной России увеличивается число типографий (с 300 в 1864 году до более чем 1000 в 1894), периодических изданий газет и журналов «Современник», «Русский Вестник», «Вестник Европы», «Отечественные записки» «Губернские ведомости», «День», к середине 90-х годов в России в среднем выходит около 100 ежедневных газет. Таким образом, развитие рынка прессы способствует созданию читательского круга или читательских публик как основы воображаемого «общества нации». Чтение газеты или реалистического романа создает эффект одновременности, а значит связанности разрозненных в пространстве членов общества. Именно в печатных изданиях и в среде читающей публики формулируются, обсуждаются концепции нации, национальной идентичности, национальных интересов.

На страницах газет и журналов различные общественные движения пытаются определить, что такое русскость, где проходят ее границы, каково соотношение нации и империи, равна ли русская нация российской империи или нет, где начало национальной истории, в чем отличие русских от остальных народов российской империи, какие этнические группы могут быть включены в состав русской нации, а какие нет. Каждое общественное движение выстраивает свой нарратив национальной истории, самобытности, национального характера. Общественные дискуссии, проходившие на страницах толстых журналов и газет, демонстрируют несколько конкурирующих между собой моделей русской нации. **Таким образом, в 19 веке процесс утверждения национальной идентичности не был predetermined и носил альтернативный характер.**

Автором проанализированы несколько концепций русской нации: славянофильский, западнический, панславистский, династический.

Период 30- 40-х годов и дискуссию между западниками и славянофилами можно считать одной из отправных точек развития националистического движения в Российской империи. «Главным предметом спора являлся вопрос о характере русской идентичности и ее отношении к европейской культуре» (О. Майорова). И западники, и славянофилы предлагали разные модели национальной идентичности, ее понимания и конструирования в рамках существующего имперского государства, которое неизменно представлялось русским. Наиболее актуальным аспектом нации, обсуждавшимся в полемики между западниками и славянофилами, был вопрос о содержании национальной идентичности и ее перспективах. Основой разногласий участников полемики, формулирующих свое кредо в европейских интеллектуальных традициях, был вопрос о путях модернизации России, средствах гомогенизации российского общества.

Основным элементом любого нарратива о национальной идентичности является миф начала, о предках народа. Славянофилы выстраивают генеалогию русской на-

ции начиная со скифов. Временные и географические границы русской нации в концепции славянофилов расширяются до невероятных пределов включая в себя практически все пространство евразийского континента и все народы, когда – либо населявших эти территории. Скифская генеалогия русских в славянофильском нарративе, во – первых, являлась попыткой укоренить Россию в полупоэтичном мифологическом пошлом, а во вторых претендовала на вселенский универсализм соединяя в национальном нарративе мир степей, буддийский Восток, Россию и Европу. Главным образом славянофильская модель национальной идентичности ориентировалась на допетровский период русской истории. Именно там славянофилы ищут образ идеального народа, с его общинными, племенными ценностями и истинной религиозностью. Т.е. идентичность славянофилов строится как нечто утраченное под влиянием петровской модернизации. Путь построения нации лежал через опрощение и единение с народом, который сохранил еще свою самобытность и аутентичность. Национальная идентичность в философии славянофилов понимается, как «возвращение домой», к утраченным истокам, еще сохранившиеся в неиспорченной обстановке крестьянской среде и крестьянской общине.

Если в идеологии славянофилов нация определялась как органическое, естественное целое, определяющее развитие индивида и человечества, то в концепциях западников нация представлялась по аналогии с французской моделью как совокупность индивидов. Нация, например, в представлении В. Г. Белинского являлась признаком вступления общества в «эпоху сознательного существования». Для западников нация становилась необходимым признаком прогресса и формирования гражданского общества. Западническая модель национальной идентичности выстраивалась во многом как идентичность русских европейцев. Формирования русской нации рассматривалось западниками как дело «Общества» или образованной элиты (причем элиты европейски образованной). Только через рационально образование, через консолидацию всех сословий и преодоление традиционного разрыва между европеизированной элитой и народом, по мнению западников, можно было бы создать нацию. Западники создают иной нарратив национальной идентичности, вписывающий Россию и русских в конгломерат европейских народов и европейскую историю. В этом плане началом русской нации лежит не в допетровском периоде истории, а после. Именно тогда, с запозданием, Россия вписывается в ход мировой – европейской истории и прогресса.

И западнический и славянофильский проекты нации во многом являлись идеальными и элитарными моделями, но именно они определили развитие националистического дискурса в России в последующие годы, и особенно в пореформенный период.

Панславизм, развивающийся в пореформенной России, как реакция на восстание в Польше и развитие польского национализма сформулировал свой вариант русской национальной идентичности, которая понималась как общеславянская. Т.е. нация мыслилась как объединение всех славянских народов, близких по языку, вероисповеданию, происхождению, «объединенных родоначальниками славянской письменности и литургии Кириллом и Мефодием на заре истории, и разделенных злым роком». Таким образом, и в панславистском нарративе идентичность выстраивается как утраченная, объединение всех славянских народов мыслится как восстановление изначальной гармонии, изначального единства. Утверждение общеславянской идентичности среди всех славянских народов Российской империи и за ее пределами панслависты видели в придании русскому языку статуса основного, т.е. в последовательной политике руссификации.

Процесс формирования нации отождествим с процессом самоколонизации, или внутренней колонизации, т.е. освоением иной социальной реальности -народа, крестьянских масс, преодолению характерной для аграрных сообществ разделенности на диалекты, касты, сословия, общины. Национализация аграрного общества, предполагает преодоление дистанции между народом и образованной элитой в процессе самоколонизации, народ превращается в нацию, крестьяне во французов, русских, немцев, англичан. Российское образованное общество на протяжении всего 19 века осваивает «неведомую социальную

реальность – Народ». Этнографические исследования Н. Надеждина, И. Аксакова, Липранди, Мельникова, сосредоточены на изучение русского народа, его быта и нравов, собирание народных сказок А. Афанасьева, начиная от Н. Карамзина в русскую литературу прочно входит тема народа (крестьянства), метанарративом становится столкновение Человека из Народа и Человека Власти и культуры, (Пушкин, Некрасов, Толстой, Достоевский и др.). Данная тема вновь возникнет в русской литературе в середине 20 века в творчестве деревенщиков. Через литературный, научный дискурс о народе и транслирование его посредством печатного капитализма формулируется проект нации. Придание литературе 19 века статуса классической и включение ее в 20-м веке в программы обязательного школьного образования создало систему утверждения национальной идентичности в широких слоях общества.

Одной из важных технологий производства национальной идентичности является реалистический роман, который «дал технические средства для «репрезентации» того воображаемого сообщества, которым является нация» (Б. Андерсен). Реалистический роман дает новое понимание времени – или одновременности происходящих в романе событий и различных сюжетных линий. Мир и время реалистического романа – аналог социума, или образ социума пробуждаемого в умах читателей автором. Социологический организм, движущийся в календарном времени, охватывающий действующих лиц автора и читателя – является аналогом нации, как монолитного сообщества движущегося из глубины истории. Реалистический роман, таким образом, создает образ социума, утверждаемый через чтение в умах читателя и, следовательно, определяющий их идентичность. Форма романа столь популярная в европейской и русской литературе середины 19 века стала ключевым фактором определения нации.

Развитие «печатного» капитализма - издательского дела и рынка прессы- в Российской империи требовало расширение системы стандартизированного образования и унификации литературного языка. Реформы образования периодически проводимые в течение 19 века способствуют расширению круга образованной читающей публики. Русский литературный язык в 19 веке становится языком не только литературы и печатных изданий во всех, в том числе и не русскоязычных губерниях империи. Но литература и публицистика в силу недостаточно развитой капиталистической экономики, рынка прессы и самое главное безграмотности основной массы населения, в России в отличие от Европы оказывались элитарным явлением. Следовательно, формирование национальной идентичности и ее утверждение подкреплялось более доступными массовому потребителю аудиовизуальными технологиями.

Капиталистический экономический уклад требует калькуляции и классификации населения и артефактов культуры. В ряду классификационных технологий лежит экспозиционная деятельность и в частности музей. В долгосрочной перспективе музей как пространство четко структурированных классифицированных, переписанных, датированных экспонатов, упорядоченных в серийные ряды выстраивает историческую глубину национальной истории. Открытие Третьяковской галереи, музея Александра III (Русского музея), Исторического музея, Политехнического, Этнографическая выставка 1867, и т.д. во второй половине 19 века создавал нарратив национальной истории как основы построения воображаемого сообщества нации. Т. е. через музей идея русской нации, имеющей глубокие исторические корни, богатую многовековую культуру становилось видимой, а значит, действительной для посетителя музея/ выставки.

Этой же цели формирования и трансляции национального нарратива служила и деятельность Товарищества Передвижных Художественных Выставок. Передвижники выстраивают нарратив нации, посредством символизации ландшафта, т.е. через пейзаж, через типы персонажей, репрезентирующих национальный характер. Не случайно расцвет пейзажной живописи в России приходится на период развития капитализма и национализации империи. Пейзаж как культурный медиум, система культурных кодов производит идентичность коллективного Субъекта. Через творчество передвижников, такие точки

российского пространства как «Волжский Плес», «Березовый лес», колосающиеся поля Средней полосы России стали видимым и значимым элементом национального нарратива. Хрестоматийные произведения передвижников определили «границы» нации, которые благодаря механическому воспроизводству, тиражируемые в течении более века, прочно внедряются в массовое сознание.

Визуализация временных и пространственных «границ» нации подкрепляется и музыкальными средствами, прежде всего через оперное искусство, как объединяющее в себе аудиовизуальные и перформативные / театральные формы. Деятельность М. Глинки и композиторов «Могучей кучки», создание новых жанров (народная музыкальная драма, опера – сказка, опера – былина) выстраивали историю русской нации из мифологического прошлого, обозначая ключевые, трагические и героические моменты национального прошлого.

Х. Баба в «Location of Culture» подчеркивает перформативную сторону национального нарратива. Национальная идентичность производится, не только посредством изобразительного искусства, прессы и литературы, но и с помощью театрализованных действий или перформансов. Один из наиболее ярких примеров - Славянский Съезд, проведенный по инициативе главного идеолога панславизма Погодина и коронационные церемонии Александра III и Николая II. Участие в коллективных перформансах, как коллективное исполнение гимна, или молитвы, создает иллюзию общности, независимо от реальных взаимоотношений и классовой, сословной иерархии членов общества.

Развитие националистических движений по всей Европе, и внутри самой Российской империи требовало легитимации, натурализации, т.е. национализации европеизированной правящей династии. Т. е. в течении второй половины 19 века российская монархия примеривает на себя национальное платье, к чему достаточно длительное время ее подталкивала общественность. Смену самоидентификации династии осуществляет Александр III, в период правления которого официальная доктрина неразрывно связывает императора с народом этническими и религиозными узами, провозглашая его самым русским среди русских. Европеизированная российская монархия «возвращалась домой». Таким образом, нарратив национальной идентичности включал в себя народные, крестьянские массы, православие и императорскую/ царскую власть. Три эти элемента составляли, по мнению многих идеологов, сущность русскости, и эти три элемента вновь актуализируются в среде почвенников в середине 20 века. Национализация правящей власти осуществлялась по логике парадокса, т.е. утверждало то, что отрицало. Пытаясь примириться с идеей нации, от имени которой говорило все образованное общества со страниц газет и журналов, самодержавие выстраивало свой «национальный» нарратив через реанимацию древних культурных представлений «религиозного сообщества» и «династического царства». В династической версии национального нарратива нация представляла собой религиозное сообщество, функционирующее вокруг священного монархического центра и под его властью. В националистическом дискурсе российского самодержавия проявляется парадоксальный характер российской модернизации, строя нацию Россия возвращается к донациональному династическому царству и религиозной общине.

Публичные театрализованные действия и архитектура – «Библия для неграмотных» были наиболее эффективными визуальными технологиями национализации империи и производства идентичности в массовом сознании, в условиях, когда большая часть населения страны оставалась неграмотной. Именно архитектура во второй половине 19 века считалась способной выразить национальную самобытность во всей ее полноте. На наш взгляд архитектура моделировала эту самобытность, строила национальный нарратив. Ориентация на византийскую архитектуру и ее преломление в Московской и Ярославской архитектуре 16 –17 веков, выстраивало линию преемственности русской нации от Византии. Всеобъемлющее распространение русского стиля (изначально стиля крестьянской архитектуры и городских окраин) в городах и деревнях в центре империи и на ее

окраинах, в гражданском и культовом зодчестве визуализировало национальную идентификацию всей империи, как империи русской.

На протяжении всего 19 века, Россия, как и все европейские страны решала проблему политической консолидации и гомогенизации общества, превращения империи в национальное государство, путем утверждения общей идентичности. Такая трансформация была необходимым условием модернизации и индустриализации, включения России в общемировую ход истории и развития капиталистической экономики. К началу 20 века, на наш взгляд можно говорить о формировании национальной идентичности хотя бы в среде образованной публики, но говорить о возникновении нации (как гомогенного сообщества, все члены которого разделяют общую идентичность) достаточно сложно в силу объективных причин:

- Географической протяженности и недонаселенности империи, затруднявших циркуляцию людей и символов;
- Запаздывающего характера российской модернизации и в силу этого недостаточно развитой системы коммуникация и рынка прессы как основных механизмов утверждения общей национальной идентичности.
- Непоследовательности политики имперских властей в области образования и печати. Задача ликвидации массовой безграмотности, и как следствие этого преодоления огромной дистанции между образованной элитой и основной массой крестьянского населения не была решена. В силу этого проекты нации и национальной идентичности оставались элитарными проектами. Большевики, пришедшие власти после Октябрьской революции станут как бы продолжателями дела начатого российской общественностью 19 века. Элитарный проект будет осуществлен в массовом масштабе, потеряв при этом свою элитарность. И только к концу 20 века, можно будет говорить о становлении наций на территории Российской империи, во многом выращенных в гигантском советском медиапроекте.

Во второй главе **«Идеология утверждения невозможного (утверждение / отрицание национальной идентичности)»** анализируются противоречия советской национальной политики в 20 –е – 50 – годы XX века, парадоксальный характер процессов формирования идентичности коллективного субъекта, производство интернациональной – советской идентичности через снятие, преодоление национальной, что на деле оказывалось производством национальной идентичности.

В уже цитированной нами в предыдущей главе работе, Б. Андерсен высказывает глубокую, на наш взгляд, мысль о том, что «Революционеры наследуют государство у поверженного режима»¹, причем не только территориальные и людские ресурсы, но часто и коды предшествующей системы. Во многом мысли Андерсена созвучен тезис А. Эткинды «насильственное разрушение системы внутренней колонизации приводит к циклическим процессам воссоздания ее в новых формах»². Само перенесение столицы нового социалистического государства в Москву – бывший оплот самодержавия (Третьего Рима), был символическим жестом новой власти, определявшейся в старых имперских категориях. Образование СССР и установление жесткого административного контроля центра за многочисленными территориально- национальными образованиями воспроизводила незавершенные административные реформы Александра III и Николая II. Само название новой империи СССР не несло в себе никаких национальных коннотаций, что свидетельствует о бессознательном возврате к донациональному «династическому» устройству, по-

¹ Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон – Пресс-Ц, 2001, С. 177

² Эткин А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. www.nlo.magazine.ru

вторяющими в переработанном виде коды и представления предшествующих культурных систем «религиозного сообщества» и «династического царства».

Советская система строилась, с одной стороны, на вере в то, что правитель, обладающий квазибожественным (космическим) произволением осуществлять власть, является «центром доступа к бытию», отсюда и особая выделенность Власти персонифицированной в образе Вождя, а с другой по аналогии с религиозным сообществом вокруг основного текста – учения (марксизма - ленинизма) как универсальной онтологической истине. Советская империя формировалась подобно империям древности, где власть осуществлялась многонациональной элитой, и базировалась на наднациональной идеологии, коренящейся в догматических и монотеистических доктринах, изложенных в одном из канонических текстов эпохи «Кратком курсе истории ВКП(б)». Таким образом, каждый субъект советского государства должен был разделять универсальную «советскую» идентичность (подобно представителям христианского, буддийского или исламского мира).

Но благодаря «печатному» капитализму, растиражировавшего опыт французской революции как первого рождения суверенного образования нации, и самодержавие и большевики унаследовали идею нации. Если перед самодержавием стояла задача превращения империи в национальное государство, то большевиками необходимо было примирить идею нации с нацеленностью на построение социализма в мировом масштабе. Последнее предполагало в перспективе слияние наций и национальных языков в одно целое, по мере расширения экономической системы, и создание соответствующей унифицированной коллективной идентичности. В этом и кроется парадоксальность построения коллективной идентичности в советский период – формирование унифицированного коллективного субъекта, путем производства национального Субъекта, соотносимых как общее и частное, движение к социализму и новому субъекту рассматривалось как движение к общечеловеческому через расцвет и преодоление частного, т.е. национального. Национальное мыслилось как снимаемое в интернациональности и пролетарскости. В итоге оказалось, что советская система оказалась не «тюрьмой народов и наций», как об этом принято говорить, а гигантским инкубатором, в котором вызревали национальные воображаемые сообщества и буржуазность, которые во многом и привели к распаду СССР.

Необходимость модернизации и индустриализации страны требовала калькуляции и классификации территории и населения: картографирование территории, введение системы мер по закреплению населения на определенных территориях: учетных карточек, паспортов, личных дел, прописок. Эти практики классификации, характерные для колониальных паноптических режимов, формировали то, что М. Фуко называет властью – знанием, необходимого для производства послушного, прозрачного субъекта. Колониальный дискурс выстраивает и калькулирует различия, признавая их множественность для того что бы их снять.

В 1918 году принимается новое территориальное деление страны, в основе которого лежал принцип национально – территориальных образований, данное административное деление остается преобладающим в течении советского периода, несмотря на последующие преобразования административно- территориального деления СССР .

Разделение территории страны и ее граждан именно по национальному признаку является, согласно терминологии Фуко, одной из дисциплинарных практик «отгораживания» или спецификации места, отличного от других и замкнутого в самом себе»¹. Осуществление национального принципа территориального деления страны представляло собой закрепление каждого этноса на определенной территории. Большевики осуществили классификацию пространства и в конечном итоге его капитализацию, где нация и этнос выступила в качестве меры измерения: каждому этносу отводится свое место, каждому месту свой этнос. Спецификация пространства, в нашем случае, по национальному признаку, четкое распределение различных групп населения по территории создавало гомогенные области, в которых каждый национальный/ этнический коллективный субъект был видим,

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 1999. С. 206

а значит подвержен наблюдению и измерению. Используя термин Фуко можно сказать что, национальные автономии и регионы становились своего рода «аналитическими пространствами», в которых осуществлялось наблюдение, измерение, оценка, и в конечном итоге производство коллективного субъекта. «Дисциплинарная власть – пишет Фуко – производит реальность».

Таким образом, деление территории на национальные автономии по этническому признаку проживающего на них населения, а затем наделение этой территории соответствующим названием, по названию этнической общности (Марийская автономная область, Мордовская, Казахстан, Туркменистан и др.), нанесение ее на карту и тиражирование в печати (СМИ, учебных пособиях, открытках, календарях и пр.), становится одной из технологий производства национальной идентичности в массовом сознании, там, где существовали скорее формы клановой и племенной идентификации (как, например, в Дагестане, Мордовской области, в Крыму, Чувашии, Удмуртии). Карта – логотип контурное изображение территории, заполненное цветом, прочно вошла в сознание как территория – дом нации, определив границы «воображаемого сообщества». Не случайно СССР распадается по границам, проведенным на карте СССР в 20 – 30 е гг.

Предвидя опасность сепаратизма со стороны национальных, региональных элит центральная власть в 30 – е гг. ужесточает контроль за регионами, и производит очередное административно – территориальное деление страны по экономическому признаку, тем самым последовательно осуществляя программу слияния наций на основе общей экономической жизни. Это подкреплялось политическими картами мира, висевших практически в каждом кабинете географии каждой школы, на которых территория СССР была залита ровным розовым цветом, без какого – либо деления на союзные республики. Данная карта логотип в не меньшей, а часто в большей степени, тиражировалась по всей стране, укореняясь в массовом сознании как «социалистическое отечество».

«Классификации населения по этническому признаку представляла собой одну из технологий власти – знания, которая продуцировала различия классифицируя каждого по определенным признакам: пол, возраст, социальное положение и национальность. Причем национальное мыслилось как природное, изначальное. Каждый гражданин СССР от рождения приписывался к определенной этнической группе (графа национальность во внутренних паспортах, личных делах, анкетах), и в тоже время являлся частью коллективного целого советской супернации, что символизировал красный паспорт. Но именно «пятая графа» формировала чувство принадлежности к этносу или нации, ощущение общности судьбы особенно в обстановке террора против целых народов.

Любой паноптический режим, согласно М. Фуко, конструирует подчиненного работоспособного субъекта, необходимого для экономического, индустриального развития страны, через систему дисциплинарных практик, одной из которых являлась школа. Общедоступная, бесплатная, массовая школа и стандартизированная программа среднего и высшего образования, система культурно – просветительских учреждений в городе и деревне становились фабрикой по производству нового коллективного субъекта, отвечающего потребностям социалистического строительства. Введение стандартизированной системы образования на всей территории СССР имело далеко идущие последствия для всей Советской системы. В теории Фуко, «для того, что бы действовать власть должна получить инструмент постоянного, исчерпывающего, вездесущего надзора, способного все сделать видимым». Соответственно, для управления многочисленными национальными регионами огромной советской империи необходим был целый аппарат – местных управленческих двуязычных кадров, партийный функционеров. Т.е. формирование такого механизма, при котором надзирающая власть была бы разлита в коллективном теле самих надзираемых. Кроме того, для воспитания «полезных субъектов» необходима двуязычная интеллигенция с помощью которой, можно проводить политику и идеологию власти на доступном для населения национальных автономий языке. Создав сеть Высших учебных заведений по подготовке национальных управленческих и преподавательских кадров,

власть создала национальных функционеров, т.е. по сути первых националистов. Кроме того, введение системы стандартизированного образования на национальных языках, унифицированных учебники на национальных языках, четко регламентированных возрастные группы и педагогических материалов создали самодостаточный внутренний опыт, необходимый для воображения «национальной общности». Введение принципа школы на «родном языке» требовало унификации множества разговорных наречий в единый литературный язык, что и было осуществлено согласно директивам ВКП(б) в 30 –е годы.

В то же время советская система образования предполагала создание коллективно-го – советского субъекта, в связи с чем во все школьные программы вводятся обязательное изучение русской и советской классики, в Вузовские программы – обязательное изучение Краткого Курса истории ВКПб переведенного на все национальные языки. Путем интериоризации текстов (а Краткий Курс подлежал заучиванию наизусть) колониальный национальный субъект впитывал коды Метрополии даже в терминах собственного языка. Коллективная идентичность должна была, таким образом, представлять собой национальную по форме, социалистическую по содержанию, согласно известной формуле социализма.

Однако в сталинской культуре происходит парадоксальное переверачивание таких понятий как бытие / сознание, форма / содержание, национальное/ интернациональное (советское). Провозглашенный приоритет бытия над сознанием подразумевал так же приоритет формы над содержанием, но в реальности происходит обратное - содержание оказывается выше материальной формы, отсюда пафос борьбы с «формализмом», пронизывающий всю сталинскую культуру. Соответственно, «национальное» как форма рассматривалось второстепенным, по отношению к интернациональному – социалистическому содержанию. Предполагалось, что национальное должно быть снято, в смысле преобразовано в советском интернациональном. Не случайно мы употребляем здесь термин «снятие». Любой философский словарь говорит что – «снятие» - это преобразование, в котором формы устраняются, отрицаются, но сохраняют свое значение как подчиненные формы новой целостности». Следовательно, национальное должно было быть преодолено в интернациональном, советском, т.е. форма превращена в содержание, стать «превращенной формой». Согласно концепции М. Мамардашвили спецификой превращенной формы является действительно существующее извращение содержания или такая его переработка, при которой оно становится неузнаваемым». Эта специфика «превращенной формы» в отношении национального – интернационального выявится в полной мере в послевоенный период, когда советское/ интернациональное превратится в великорусское. Таким образом, реальным содержанием всего советского проекта оказывается не провозглашаемый примат интернационального/ советского (содержания), над национальным (формой), а наоборот, приоритет национального над интернациональным.

Если проект общерусской нации, и консолидации империи в национальное государство, в предшествующий период не был осуществлен во многом по причине слабо развитой системы коммуникаций и рынка прессы, то советская власть решает эту проблему более радикально во всех смыслах техническом, экономическом, политическом, мировоззренческом, путем медиатизации всех сторон жизни. В отличие от своих предшественников советская власть получила в свое распоряжение наряду со старыми печатными формами медиа, новые, такие как радио, телеграф, кинематограф, а с 1938 года телевидение. Что позволило власти создать и осуществить тотальный художественный медиа – проект (термин Б. Гройса). Ликвидация безграмотности, введение стандартизированной системы всеобщего образования способствовало увеличению рынка прессы, и развитие СМИ как средства идеологического воздействия на огромную читательскую публику «самой читающей» в мире державы. Через СМИ транслируется образ социалистического «воображаемого сообщества» и его субъекта, не имеющего аналогов в прошлом. В рамках печатного «капитализма» советского образца, в 30 – 50-е гг. помимо центральных газет на русском языке («Правда», «Известия», «Гудок» и др.), выходит журнал «Жизнь нацио-

нальностей» (с 1918 г.), освещавший развитие промышленности, сельского хозяйства, культуры в национальных регионах, содержащий большое количество очерков о истории и быте того или иного народа, выходят газеты на 50 языках, народов проживающих на территории Союза, каждая национальная республика в составе СССР имеет свой руководящий орган печати на собственном языке («Коммунист» на Украине, «Звезда» в Белоруссии, «Ени иол» в Азербайджане, «Плугарул рош» в Молдавии и т.д.), добавим к этому существование радиовещания на национальных языках, национального кинематографа, и телевидения. Система средств массовой информации на национальных языках – создала основу национальных «печатных капитализмов», которые к 1991 году осуществляют еще одну инверсию, сокрушив советский режим как свою инкубационную форму.

Названия ведущих национальных изданий (Красный пахарь, Красный Узбекистан, Новый путь и пр.), содержание местных газет в национальных регионах, установленных циркулярами ВКП(б)*, говорит как об опосредованности национальной прессы кодами Власти Метрополии, так и о неизбежной опосредованности цивилизирующего послания центра национальными языками (а значит и национальными элитами, культурами) как медиа, и, наконец, о наступлении такой фазы, когда национальный Посредник поглотит (поработит) своего Господина. Взаимоотношения национальных субъектов и метрополии демонстрируют классический вариант гегелевской диалектики господина и раба, когда медиа как инструмент берет под контроль своего номинального контролера.

Если базовым фактором производства и утверждения национальной идентичности является язык, то в советский период русский язык перестает быть языком национальной общности, превращаясь в государственный язык СССР (язык преподавания в школах и Вузах, язык администрации, экономики и политики). Стандартная программа школьного образования включает в себя обязательное изучение русской литературы, российской истории. Таким образом, русскому языку отводилась ведущая роль в формировании унифицированной общности «советского народа» как супер – нации. Отсутствие отделения РСФСР в Союзе архитекторов СССР, Союзе писателей СССР, Союзе композиторов в отличие от отделений других национальных республик, главное управление и было одновременно отделением РСФСР. Т. е. уже на уровне творческих союзов идет отождествление российского и советского. На ВСХВ 1938 года не было павильона РСФСР, он появляется только в 1957 году, хотя был построен отдельный павильон Москвы и павильон Московской, Тульской, Рязанской областей. Существование Верховного Совета РСФСР как законодательного органа, носило чисто формальный характер, так как и внутри российский и общесоюзные проблемы решались в Верховном совете СССР. Что происходит в советский период с русской / российской национальной идентичностью?

В системе, стремившейся построить унифицированную советскую интернациональную идентичность, где в бинарной оппозиции интернациональное – национальное, интернациональное должно было символически доминировать, происходят парадоксальные инверсии, формально подчиненная сторона бинарной оппозиции начинает доминировать. И происходит то, чем мы уже сталкивались в эпоху Александра III, «натягивание узкой кожи нации, на огромное тело империи». Возможно только здесь, в 30- 50 –е годы XX столетия, осуществляется националистический проект Александра III, через демократизацию “национальной идеи”, и массовизацию общества.

Превращение «третьеримской» Москвы в центр новой империи, воплощенную утопию, представляло собой символический акт укоренения в прошлом, в национальном прошлом. Москва, таким образом, становилась вновь «собирающей русской земель», – одновременно центром империи и центром нации, священным ядром вокруг которого

* Циркуляр ВКП (б) 1930 г. предписывал следующую программу содержания местных газет: а) сельскохозяйственное строительство, б) фабрично – заводская промышленность, в) городское хозяйство, г) партийная жизнь, д) народное просвещение, е) красноармейская жизнь.

организуется территория империи и территория нации. Причем границы нации во многом отождествляются с границами империи.

Сакрализацией Москвы, выполнявшей политико – символические функции, и отождествлением ее со всей территорией страны советская власть осуществляла регресс от Петровской империи к Московскому Царству через демократизацию, омассовление общества в стране, где по словам Г. Федотова, значительная часть населения к моменту революции экономически и ментально принадлежало к 17 веку. Сама столичная элита, правящая в стране в советские годы была провинциальной по своему происхождению и ментальности, «ментально застыла в природе» по словам В. Каганского, (вплоть до Путина все советские вожди были провинциалами). Апелляция к Московскому царству, 17 века, и соответственно, апелляция к народу предавали натуральность и легитимность власти. Власть укоренялась в самой народной стихии, т.е. связывала себя кровными и почвенными узами с русским народом. Тоже самое пытался сделать Александр III в конце 19 века. Проект советского «воображаемого сообщества» оказался по содержанию тождественным проекту Александра III, по иронии истории здесь только и осуществленного. “Национальная идея” здесь только и была опущена сверху вниз, превратилась из элитарного в массовый проект. Только здесь и происходит демократизация “национальной идеи”, и в духе беспроblemного преворачивания все визуальные технологии построения коллективной идентичности дают продукт “национальный по содержанию, советский/ интернациональный по форме”, вопреки формуле соцреализма.

Инверсия наднациональной советской идеологии в великоросскую наиболее ярко выразилась в предвоенный, в таких кинокартинах как (Петр Первый, Суворов и др.) и особенно в послевоенный период. Эта инверсия была узаконена известным тостом Сталина «Я пью здоровье русского народа...», и последующей кампании по борьбе с «космополитизмом и буржуазным национализмом».

В послевоенном идеологическом дискурсе имперское сливалось с национальным, имперская идентичность выстраивалась как национальная, с оглядкой на Другого, который одновременно был вожделяемой и поносимой фигурой. Именно в зеркале Другого (Запада и его внутренних агентов) функционирует имперская идентичность как «своеобразная нарциссическая рефлексия»¹.

Советский колониальный режим выстроил своих колонизируемых субъектов, как некие иные в культурном, историческом расовом плане. Послевоенный великодержавный шовинизм и превознесение русского народа – было формой оправдания установившегося порядка. Власть получала мандат на осуществление властных полномочий через отождествление и репрезентацию русского народа как «самого мудрого, терпеливого, сильного и т.д.» по сравнению со всеми остальными. Кроме того, как полагает Хоми Баба, в колониальном дискурсе метафорическая/ нарциссическая и метонимическая / агрессивная позиции могут функционировать одновременно, стратегически уравновешивая³. В колониальной политике советской власти две эти формы присутствуют неразрывно, агрессивность по отношению к гетерогенным силам, исходящих от угнетенных субъектов, угрожающих унитарному единству, и нарциссизм, выражающийся в имперском стиле от литературы до кинематографа и науки, и поношения запада, и превозношение всего русского.

Советская держава внутри себе самой содержала причины распада империи и межнациональных конфликтов, развернувшихся на постсоветском пространстве. Формируя унифицированную общность новой формации – советский народ, советская колониальная система вырастила национальные идентичности: привязав нации к определенным территориям, сформировав систему образования на национальных языках, открыв национальные киностудии, Средства массовой информации, режим тем самым, создал национальные государства в зачаточном состоянии, готовое к самостоятельному функционирова-

¹ Кропотков С. Сцена террора в культурных войнах

³ Bhabha H. Location of culture. L. and NY. “Routledge”. 1998. P. 73

нию. Кроме того агрессивная террористическая политика в адрес многих народов, так же не могла не вызвать подъем национального сознания и национализма в самых радикальных его формах. Слияние имперскости и русскости в идеологическом нарративе послевоенного периода, и откровенно шовинистическая политика власти во многом отравило сознание, прежде всего, русских, что и открылось уже в постсталинский период в творчестве А. Солженицына, писателей «деревенщиков», деятельности «Русской партии» 50-80 –х годов, в радикальных, экстремистских действиях общества «Память», в начале 90 – х, да и в идеологии «патриотических партий» 2004 года.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, даются основные выводы и перспективы дальнейших исследований.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Нет свободы, есть только освобождение. // Сборник материалов международной конференции «Глобализация и возможности российско- американского сотрудничества в сфере политики, экономики, образования и культуры». Екатеринбург, 2001.
2. Киберпространство и киберсубъект. Сборник материалов конференции «Культура. Власть. Общество: пути интеграции». Екатеринбург 2002.
3. Проблематизация коллективных идентичностей в информационную эпоху. Материалы международной конференции «Информационная эпоха: Мир, Россия, Урал». Гуманитарный Университет, 2004.
4. Новые подходы к исследованию национальной идентичности. Известия Уральского государственного университета № 33. Сер. «Гуманитарные науки», вып. 8.
5. Децентрация как принцип культуры постмодерна. // Современное искусство: практики толерантности и политики идентичности. (Сборник статей). – Екатеринбург, 2004